

Всё кончилось. Снова. И метафоричным образом выражаясь - Шаос могла с облегчением выдохнуть. Пусть и зная, что это ненадолго, жизнь её потекла размеренно и спокойно в ожидании возвращения отца, чтобы в этот раз уже точно взяться за свою дурную голову и начать сдерживать эти идиотические позывы...

Но кажется, что благополучный для этого момент был упущен - своим последним поступком она совершила роковую ошибку, погубив этим если и не две, то одну жизнь ни в чём не повинного человека. Поэтому Шаос находилась в крайне паршивом настроении. И то, что в глазах слуг она окончательно умерла - его улучшению не способствовало. И пусть они раньше тоже не проявляли желания с ней о чём-то болтать, но она могла рассчитывать хотя бы на дежурные фразы вроде "да, госпожа", "я так не думаю" и "извините, у меня много дел", то сейчас же её просто перестали замечать, обходили стороной и делали вид, что её не существует. Даже если она сама, лично к ним обращалась. В лучшем случае могла заслужить презрительный взгляд. А всё потому, что раньше она была просто безответственной и слабой на передок уличной девкой, совсем не вписывающейся в общество господ и их слуг, то теперь она в открытую принесла в этот дом разлад: ведь не нужно быть гением, чтобы связать рождение у их хозяйки жеребят и нервным срывом того, кто о лошадях здесь заботился - конюхом. Даже если этой связи и не было бы на самом деле - избежать этих ассоциаций было невозможно. Для всех этих людей вина за случившееся вполне заслуженно легла на неё. Хотя она и смогла спрятать тело маленького четвертьорчонка...

Чтобы в дальнейшем тайно избавиться от него на одной из свалок в каналах... Чем она тоже конечно же нисколько не гордилась - и разжимала руки с заунывно ноющим сердцем и намертво потухшими глазами, после чего горько бы напилась в каком-нибудь из кабаков, если бы в конюшне её не ждал ещё живой жеребёнок. Причём его она всё равно никак не могла прокормить - он опустошал её груди за считанные секунды, после чего мог долго продолжать их сосать, но всегда оставался голодным. С ним тоже нужно было что-то решать и как можно скорее. Поэтому его Шаос... нет, не убила конечно же - она отвела его на рынок, где за бесценок продала какому-то крестьянину. Жестоко ли? Безответственно? Обидно - точно было, из-за чего она, когда забирала из рук мужчины тридцатку золотых, не выдержала и разревелась, но так она хотя бы подарила ему возможность вырасти в здорового, сильного коня.

Но девушка всё равно старалась не унывать. Она много спала, что-то там читала, а также продолжала заниматься домашними делами - так, как будто была обычной... ладно, чуть хуже, чем просто обычной служанкой. Что-то там убирала, где-то подметала, кровати застилала - и пусть труд её не ценили, а после нередко всё переделывали, так она хотя бы тешила себя мыслью о том, что она МОЖЕТ быть полезной. И все ручки в доме наконец-то замотала тканью!.. И если у кого-то возникнет вопрос - "зачем?", то вы представьте, каково это - идти себе и идти, а потом взять - и врезаться в неё лбом. Неприятно. Болезненно... А ещё хуже, если она под рог попадёт и с ней потом как-то расцепляться...

Иными словами, поступок этот тоже не мог быть вызван большим умом, но в её состоянии ей бы хоть на что-то было отвлекаться, пока она с нетерпением ждала возвращения своего отца. И главным образом ей хотелось встретить его в пристойном виде, как достойная дочь. Чтобы она, поддавшись саморазрушительному позыву, в слезах не отдалась на улице первому встречному, надеясь получить взамен хотя бы капельку "человеческого" тепла. Раньше это помогало ей справляться с депрессиями, но в этот раз она так поступить не могла. Её воздержание должно

было стать маленьким, но всё же шагком в направлении её условного исправления. Как знак того, что она действительно хочет наладить эту свою разболтанную жизнь - как перед ним, так и перед самой собой. И перед слугами, возможно, но здесь всё было особенно сложно... Но может быть, что со временем они к ней и привыкнут. Поймут, что на самом деле она не такой уж и плохой человек, просто с определёнными проблемами...

Однако, для этого она была вынуждена почти безвылазно сидеть дома, ибо прогулки по городу не только могли ввести в искушение (с чем она ещё мало-мальски, но могла бороться) - без умысла на то, она вполне могла влипнуть в ситуёвину, что её... Скажем, безотказная репутация суккубов, собственная манера одеваться, а также миловидная внешность и хамовитое поведение вкупе с крайне слабыми физическими и волевыми данными - всё это превращало её в идеальную жертву, которую хотелось как минимум по лбу ё*нуть. Или просто ё*нуть. А точнее - вые*ать. И как бы да, если она по этому поводу обычно особо-то и не расстраивалась, то сейчас рисковать не могла...

Но всё же отсидеться и совсем не выходить из дома у неё не было возможности - потому что вмешалось ещё одно обстоятельство, с которым нельзя было не считаться: голод. А в особняке её, как можно было догадаться, не кормили. В смысле, кухня была всё время заперта на ключ и открывалась только для того, чтобы впустить туда самих слуг, а дамианке приходилось в лучшем случае стоять под дверью и не давать им ею пользоваться - как бы, трогать её, чтобы подвинуть, они тоже не хотели. Но сытости от этого не наступало, а портить отношения ещё сильнее не было никакого желания. Как и желания проявить характер, попытавшись это всё каким-либо образом решить... Впрочем, не совсем так - характер свой она-таки как раз и проявляла. И поэтому, покусывая от волнения губы, бегала на улицу, чтобы купить себе чего-нибудь поесть. Благо, что деньги у неё были: та не малая сумма, что досталась ей с битвы на арене, и тридцатка за жеребёнка...

Вот к примеру, как и сейчас, на четвёртый день ожидания. Предварительно поиздавав серию измученных стонов на своей кровати, Шаос сползла на пол. И встала на ноги, оправляя свой задравшийся голубенький сарафан - а то пока она там крутилась, он даже под резинку белья попасть умудрился. Чтобы залезть потом в свою тумбочку, где у неё лежала всякая мелочёвка, а также все её денежные сбережения, и отсчитать необходимую сумму, которой должно было хватить на бутылку молока и каких-нибудь к нему булочек. И вот так, лишь на выходе ещё заменив тапочки на привычные лакированные туфельки, отправилась за покупками в продовольственную лавку на границе этого зажиточного района, где всё резко переставало быть чистейшим, свежайшим и исключительнейшим, зато и цены резко падали в несколько раз. И где продавщица считала её милой девчушкой, только с рожками и хвостиком, а не падшей на самое дно тварью.

Там она приобрела уже обычное для себя молоко и пакет с пятью пирожками с повидлом и теперь долго копалась в коллекции различного вида леденцов, пока стоящий в дверях человек, кривя губы, рассматривал вставшую у прилавка на цыпочки Шаос. И этот её хвостик, даже если она из-за своего упаднического настроения им и не размахивала по сторонам, даровал ему интересные ракурсы, задирая её и без того короткое платье. Он видел её бёдра, её бельишко - обычное скромное бельишко из хлопка, белое по цвету и лишённое каких-либо украшений. Но будто бы немного тесное, из-за чего оно хорошо подчёркивало все её формы и изгибы, а в целом наклонённый вперёд корпус давал возможность лицезреть и небольшую неровность её копытца.

- Эй, милсударыня, а будьте добры мне пакет эклеров с банановым кремом! - Наконец-то, пока Шаос с любопытством задрала к нему свою милую мордашу, подошёл мужчина к прилавку. - Посвежее, если можно.

Лизка как бы ещё всё равно не готова была сделать выбор, поэтому не была против, если его обслужат вперёд...

Но когда она, с бумажным кульком подмышкой и сразу двумя леденцами во рту, наконец-таки вышла из лавки, то на входе её, облокотившись спиной прямо о наружный косяк двери, ждал тот самый мужчина. И девушке стало беспокойно - особенно при виде его улыбки. Уж больно залихватской, не сулящей ей вообще ничего хорошего!..

- Не ожидал тебя здесь увидеть. Чёт ты совсем какая-то невесёлая. Хочешь, угощу?

Э? Чего? В смысле, он что - её знает? Шаос растерялась. Как бы, вполне вероятно. Она со многими... нет, не обязательно, что прямо спала, но... н-не, спала, в общем-то, тоже со многими, но... Но... Девушка ощутила, как душно стало у неё под ошейником, и легонько его поправила пальцем. Да, ситуация, когда её узнают, а сама она не помнит, кто это стоит перед ней, для неё достаточно частая.

- Вы меня твахнуть хотите, да? - Прямо спросила она, глядя на него снизу вверх и плотнее прижимая к себе свой кулёк. Мужчина в ответ засмеялся... и в смехе его чувствовалась неловкость. - Сазу пьедупьевдаю - беменеть я не буду!

Следовало бы сказать, что она просто не станет с ним трахаться, ни в каком варианте, но сделала она именно такой выбор слов, что дало человеку за них зацепиться.

- Ну, не обязательно же после этого беременеть? Мы можем сделать это... - Шаос сердито уставилась на него исподлобья и засопела. Она не хотела делать этого даже в том случае, если не забеременеет. В любом случае - это всё кончится грязно, она опять будет заходиться в похоти, скулить и кряхтеть, а сердце бешено колотиться в неправильных ритмах. Ей не хотелось. У неё совсем не было настроения для того, чтобы получать удовольствие! - ...как-то по-другому. Просто давно не виделись, и ты там так стояла... А взамен я угощу тебя эклерами! Вкусные, мягкие! С кремом - мммм! Объедение!..

- С-слушайте, я сейтяс не в духе, и...

- Нууу, Шаос! Ну помоги старому другу, сложно тебе? Ты же такая хорошая, добрая ехидна...

Его рука осторожно зашла ей за спину, и озирающаяся вслед за ней Шаос, легонько дрожа, ощутила её тепло. А также тепло, исходящее от его тела, когда он при этом согнулся, сильно приблизившись к ней. И пальцы его коснулись нежной кожи её гладкой подмышки, когда зашли под её руку, чтобы прижать эту по-дамиански горячую девушку к себе.

Ехидна едва слышно проскулила - и привстала на носках, пытаясь снизить давление его пальцев.

- Н-ну сеёзно, я не могу! Н-не сегодня, п... позалуста, я...

Свободную рукою, она упёрлась ему в плечо - изначально с намерением так от него оттолкнуться, но в этот момент она почувствовала себя такой маленькой и несчастной, а его - большим, сильным и тёплым. Сердце её жалобно заныло, и Шаос, в душе коря себя за то, что она такая глупая и слабовольная, соскользнула рукой дальше. Она обняла его за шею и, с дрожью в груди, прильнула к нему, отдаваясь во власть этого тепла...

- Обессяйте, сто сделаете это быстло, не в меня и... и сто самой мне нитево не надо будет делать... Хоосо?..

- Идёт. Я тут недалеко живу, но там жена сейчас, дети. Вряд ли они обрадуются, если увидят тебя. Если только ты в куклы не играешь.

Шаос опять превратилась в маленького обиженного волчонка. Э-ээээто на что он там такое намекал, а?..

- Но здесь есть одно хорошее местечко, где нам никто не должен помешать.

Спустя восемнадцать дней своего отсутствия, Малкой Медянов вернулся домой. В блеске лака, к воротам особняка подъехал уважаемый дилижанс и оттуда, совсем не дожидаясь того, пока его встретят и начнут разбирать его багаж, выпрыгнул седой полурослик. Он покачнулся, проворчал что-то под нос о том, где всех это носит, и с громким лязгом распахнул металлическую калитку, так и оставив её за собой болтаться на петлях.

Слуги выглянули из окон. Кто был ближе к дверям - вышел во двор. Они хотели встретить своего господина, поздравить его с благополучным возвращением и ещё каким-либо образом услужить, но суровый вид его заставил их испуганно промолчать - а всё потому, что он был не один. Следом за ним, неотступно и шаг за шагом, шёл винный дух - Малкой был пьян. Сильно пьян. И догонялся он на протяжении всей этой трёхдневной поездки обратно, потому что кончилось всё прескорбным образом - дров было наломано слишком много и Вертяевский филиал его банка пришлось полностью закрыть. И сейчас он был просто взбешён, ведь ещё совсем недавно всё было так хорошо! Благосостояние шло в гору, его репутация была относительно безукоризненна - уж по крайней мере в отношении его деловой хватки никто не мог упрекнуть его хоть в сколько нибудь серьёзной неудаче! В области работы, это было его самое крупное потрясение за всю его жизнь.

И поэтому, в этом малодушном, уязвлённом состоянии, он искал виноватых. А кто был в этом всё виновным? В том, что всё пошло наперекосяк? О, нет. Если кто-то решил бы, что винил он

в этом какую-нибудь глуповатую ехидну - то нет. Если он и испытывал в отношении неё что-то подобное, то приносимый ею беспорядок он оценивал как приемлемый. Он брал куда выше - он винил саму Судьбу! Но из-за того, что достучаться до неё было сложно, цель пришлось взять всё же более приземлённую - и начать возвращать свою жизнь в привычное, годами прорезанное русло он решил с того, что вернёт Никифия. Своего конюха. К бесам всё, он никому не позволит влиять на свою жизнь, кроме как самому себе, и если будет нужно, то он готов заплатить за него крупную сумму - в конце концов, не в первый раз в жизни ему платить за жизнь какого-то умственно отсталого! А этот Рольф Кафтон - тот ещё продажный х*й, и пропажу одного заключённого (с учётом его небольшого "цирка" для богачей) никто и не заметит.

Но для начала, престарелому полурослику нужно было узнать, где он живёт. И в этом могла помочь как раз-таки его дочь - по причине своей глупости, она связалась с этим ублюдком. И возможно, что каким-то чудом она всё ещё помнит его адрес. И поэтому, не разуваясь и даже ни с кем и словом не поздоровавшись, он отправился на второй этаж, в её спальню...

Где Шаос в этот момент не оказалось - она ушла за булочками. Потому что дома кормить её никто не хотел. И тогда он, что-то пробурчав под нос относительно её халатности... нет, не вышел в коридор, чтобы дождаться её возвращения - он вошёл внутрь, сразу же с ходу распахивая дверцу её тумбочки. Выгреб наружу какие-то пакетики от еды, пару бутылок от молока и соков, ещё и грубо это всё распинывая по всей комнате. Потом выдвинул ящик... Но перед тем, как залез в него - увидел между спинкой её кровати и тумбочкой какие-то картонки.

- Что это за убожество такое? - Спросил он, вытаскивая из-за кровати пачку табличек, на каждой из которых имелась верёвка, чтобы её было удобно вешать на шею. И надписи - не слишком грамматически верные, но не узнать этот почерк он не мог.

"Лешение девственности всех выпускников! Успей кто не успел! БЕСПЛАТНО!!!"

"Туалет! 15 з. за слив!" - При этом цифра "15" была зачёркнута, а над ней, чьей-то другой рукой, написано всего лишь "5". И сама табличка как-то подозрительно рассыхалась, как будто бы несколько раз попадала под дождь...

"ПОДСТИЛКА"

"Готова к оплодотворению! Стану мамой ваших детей!"

- Вот же грязная...

Она вешала это на шею? И так ходила?

Малкой не стал читать их все - и согнул всю эту пачку о колено, неловко, в этом подвыпившем состоянии, упав. И прямо так, на коленях, выдернул ящик полностью, начиная копаться в немногочисленной мелочёвке своей дочери. Какие-то монетки, заткнутый пробочкой

флакончик с приятно и так знакомо пахнувшей жидкостью, набор бесполезных, выкрашенных голубой краской камушков, уже полноценный мешочек с деньгами, гладкий ониксовый браслет, а также пара ярких колец из таких же полудрагоценных камней. Резиночки для волос, несколько пёстрых закладок, цветные карандаши и... и вот оно - то, что он искал. Какие-то визитные карточки, перетянутые розовой резиночкой. И одна из них - которую она использовала в последний раз - лежала вне пачки.

И жёсткой походкой, даже не пытаясь делать вид, что он не копался в её вещах и соответственно ничего за собой не убрав, вышел в коридор, откуда испуганные слуги разбежались по сторонам, лишь бы не попасться у него на пути.

<http://tl.rulate.ru/book/412/38488>